

Кудрявцева Т. В. Культурная память : к 100-летию пребывания А. М. Горького в немецком Саарове / Т. В. Кудрявцева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 232—245. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-232-245.

Kudryavtseva, T. V. (2023). Cultural Memory: to 100th Anniversary of A. M. Gorky Stay in German Saarov. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 232-245. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-232-245. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-232-245

Культурная память: к 100-летию пребывания А. М. Горького в немецком Саарове

Кудрявцева Тамара Викторовна

orcid.org/0000-0002-8279-8639

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник

Отдела литератур Европы
и Америки Новейшего времени
muchina@yandex.ru

Институт мировой литературы
им. А. М. Горького
Российской академии наук
(ИМЛИ РАН)
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено в Институте
мировой литературы имени
А. М. Горького РАН за счет гранта
Российского научного фонда
(РНФ, проект № 21-18-00131)

Cultural Memory: to 100th Anniversary of A. M. Gorky Stay in German Saarov

Tamara V. Kudryavtseva

orcid.org/0000-0002-8279-8639

Doctor of Philology,
Leading Researcher
Department of Europe
and modern America Literature
muchina@yandex.ru

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 21-18-00131

© Кудрявцева Т. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье представлены свидетельства пребывания А. М. Горького в немецком г. Саарове в 1922—1923 годы. В рамках историко-контекстуального подхода предпринята попытка показать, как функционируют механизмы сохранения и актуализации памяти в отношении конкретного писателя. Речь идет о всемирно известном классике русской / советской литературы — А. М. Горьком. Прослеживается, как его личность и творческое наследие, некогда ставшее принадлежностью мировой литературы, воспринимаются в чужом культурном пространстве XXI века (а именно спустя столетие после пребывания Горького в Германии в начале XX века). К анализу привлекаются как материальные объекты культуры (музейные комплексы, памятники и пр.), ономастическая геолокация, так и элементы мемориальной культуры, имеющие отношение к письменным источникам. Это воспоминания современников, исследования, а также актуализация творчества Горького на уровне массового сознания (создание некоего цитатника из произведений Горького и пр.). Сделан вывод о том, что личность и творчество Горького продолжают оставаться составной частью мемориальной культуры Германии, а его имя, несмотря на смену поколений, идеологий и геополитических сдвигов, не стерто с культурной карты этой страны.

Ключевые слова:

Горький; Германия; мемориальная культура; рецептивная эстетика; имагология; аксиология.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article presents evidence of A. M. Gorky's stay in the German city of Saarov in 1922-1923. Within the framework of the historical-contextual approach, an attempt was made to show how the mechanisms for preserving and updating memory function in relation to a particular writer. We are talking about the world-famous classic of Russian / Soviet literature — A. M. Gorky. It is traced how his personality and creative heritage, which once became part of world literature, are perceived in a foreign cultural space of the 21st century (namely, a century after Gorky's stay in Germany at the beginning of the 20th century). The analysis involves both material objects of culture (museum complexes, monuments, etc.), onomastic geolocation, and elements of memorial culture related to written sources. These are the memoirs of contemporaries, research, as well as the actualization of Gorky's work at the level of mass consciousness (the creation of a certain citation book from Gorky's works, etc.). It is concluded that Gorky's personality and work continue to be an integral part of the memorial culture of Germany, and his name, despite the change of generations, ideologies and geopolitical shifts, has not been erased from the cultural map of this country.

Key words:

Bitter; Germany; memorial culture; receptive aesthetics; imagology; axiology.

Культурная память: к 100-летию пребывания А. М. Горького в немецком Саарове

© Кудрявцева Т. В., 2023

1. Введение = Introduction

Многоаспектная тема «Горький в Германии» недостаточно исследована как в отечественной, так и в зарубежной русистике и германистике. Основными источниками информации по-прежнему остаются письма писателя (и письма к писателю), его публицистика, а также летопись его жизни и творчества [Летопись ..., 1959]. Как известно, в художественных произведениях писателя Германия фактически не нашла отражения. Пребывание писателя в Германии (1906, 1921—1923) также остается малоизученным в отличие, скажем, от жизни Горького в Италии. Эта тема может рассматриваться с разных точек зрения. В данной статье мы ограничились периодом пребывания писателя в курортном местечке Сааров, расположенном между Франкфуртом-на-Одере и Берлином, поскольку именно здесь сосредоточены наиболее показательные примеры мемориализации имени Горького в немецкоязычном культурном пространстве. Статья является частью более широкого исследования, посвященного местам пребывания Алексея Максимовича в Германии в 1921—1923 годы (Берлин, Фрайбург, Герингсдорф).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования стали как свидетельства самого Горького в его письмах исследуемого периода, свидетельства немцев-современников (воспоминания и пр.), исследования немецких литературоведов, культурологов, краеведов, а также интернет-публикации на многочисленных официальных сайтах муниципальных, краеведческих, исторических, образовательных и пр. институций Германии). Исходя из задач исследования — показать, в какой степени жива память о Горьком, как сохраняются материальные объекты, насколько имя Горького присутствует в топонимике и ономастике в целом, а также в мемуарных и эпистолярных источниках, — мы выбрали в качестве основных культурологический и историко-контекстуальный подходы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Места проживания А. М. Горького в Германии

25 сентября 1922 года А. М. Горький, с конца 1921 года находившийся на лечении в Германии, переехал с балтийского курорта Герингсдорф (остров

Узедом) в нижнелужицкое курортное местечко Бад Сааров (Bad Saarow) недалеко от Берлина, где писатель пробыл до начала июня 1923 года.

Писатель жил в небольшом «Новом санатории» («Das Neue Sanatorium am Kurpark») на озере Шармюцель. Здание санатория снесли в конце 1989 года. Однако на этом месте была установлена памятная стела с бюстом писателя.

Других непосредственных материальных следов пребывания Горького в Саарове почти не осталось. Вместе с тем местные жители до сих пор хранят воспоминания своих земляков о писателе, который «бродил с тростью по берегу озера и в сосновом бору в своем широком темном пальто и мягкой шляпе», о том, что он «любил посидеть в кондитерской “Балыц” на Вокзальной площади или сыграть партию в шахматы с сааровчанами вблизи “винного ресторанчика Альтмана”» [Stürmer, 2018, p. 10] (здесь и далее перевод наш. — Т. К.).

С именем Горького связан деревянный дом в псевдорусском северном стиле, построенный в 1920 году для семьи берлинского банкира Курта Ландсберга, так называемая «Вилла путти» («Villa Putti»). Прямых свидетельств, жил ли там Горький, нет. Судя по письмам писателя, в его планы входило сменить место жительства в Саарове. Так, в письме М. Ф. Андреевой от 15 февраля 1923 года он пишет: *«Решили — кажется — снять дачу. За 100 долл. в год. Восемь ванн. 3 сада. Клубника. Арбузы. Две собаки и садовник, — на одну собаку больше, чем у Лопе де Вега»* [Горький, 2009, с. 142] (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников). В письме П. П. Крючкову, датированном тем же числом, Горький сообщает: *«Сейчас смотрел дачу, — снаружи, в нутро не пускают. Внешне — очень уютно и достаточно изолированно»* [Горький, 2009, с. 143]. В письме Е. П. Пешковой от 3 марта 1923 года Горький сообщает: *«Переехали в другой дом, на время; скоро, кажется, переедем в третий, сняв его на целый год. Желаем жить своим хозяйством»* [Горький, 2009, с. 151].

Новый, неполный адрес: *Saarow (Mark). Fürstenwald* — появляется в письмах Горького начиная с 18 марта 1923 года. В письме И. С. Коноплину от 22 марта 1923 года появляется детализация: *«Если Вы пожелаете посетить меня — предупредите об этом по телефону: Saarow (Mark) 32»* [Горький 2009, с. 167]. Если исходить из того, что Горький переселился в нынешний район курорта Сторков (Марк), то предположение о том, что новым местом жительства писателя могла быть вилла «Путти», лишено оснований, поскольку она расположена на улице «Под вязами» (Ulmenstrasse), ближе к прежнему месту пребывания Горького, «Новому санаторию».

На новом месте писатель жил недолго. Уже 7 апреля 1923 года он пишет Ф. А. Брауну: *«К моему великому сожалению, я не мог приехать в Берлин, ибо*

в этот день мне, совершенно неожиданно, пришлось перебираться из квартиры, где я жил, на новую, точнее: на старую, туда, где Вы были у меня. Меня немножко обворовали, а кроме того, задержали мои вещи, не имея на сие никакого права, ибо плату за квартиру я внес в полицию, которая, однако, не приняла никаких мер к защите моих прав» [Горький, 2009, с. 173].

19 декабря 1972 года по случаю 50-летия образования СССР в Саарове (на территории бывшей ГДР) был открыт Мемориальный комплекс Максима Горького (Maxim-Gorki-Gedenkstätte Saarow-Pieskow). Он, в частности, включал библиотеку, которая насчитывала 8000 книг Горького, переведенных на разные языки мира. «Вилла Путти», которая также вошла в состав комплекса, получила название *Дом Горького (Gorki-Haus)*. Во времена ГДР мемориал ежегодно принимал более 10 000 посетителей.

Остались воспоминания основателя музея Р. Ульриха: *«Мы стараемся пробуждать интерес к творчеству Горького, особенно у молодежи <...>. Устраиваем тематические экскурсии, учитывая возраст наших посетителей, а зимой собираем ребят на “литературные встречи у самовара”. Дети вместе с нами размышляют о том, какую роль играют в жизни литература и искусство, которым так преданно служил русский писатель»* [Цит. по: Чудов, 2015; Кудрявцева, 2015, с. 27].

В 1999 году дом вернулся к наследникам прежнего владельца, вернувшимся в Германию из Бразилии, куда Ландсберг в 1938 году бежал с семьей от нацистов. Позже дом был продан, и в настоящее время здесь размещается мини-отель, который сохранил в своем названии имя Горького (Villa Maxim-Gorki-Haus). Книжный фонд бывшего музея приняла городская библиотека Саарова. Однако у постояльцев есть возможность познакомиться с творчеством Горького по книгам, для которых отведена специальная полка. С некоторыми первыми изданиями произведений Горького жители и посетители Саарова могут ознакомиться в открытом в 2016 году Литературном кабинете Союза содействия развитию искусства и сохранению исторического наследия (Literaturkabinett des Fördervereins). Здесь размещается также коллекция графических работ, имеющих отношение к творчеству писателя, аудио-документы, фотографии и слайды. К юбилейным датам, связанным с жизнью Горького, устраиваются выставки. В частности, одна из них была посвящена 150-летию юбилею писателя. Кроме того, в дни памяти Горького здесь прошел научный коллоквиум. О мемориальном комплексе в Саарове см. также: [Gebhardt, 1983, pp. 918—920].

3.2. Школа имени Горького в Саарове

Память о писателе хранит и сааровская школа, носящая его имя. На школьном дворе еще в 1969 году был установлен памятник, выполненный скульптором Герхардом Гросманом (Gerhard Großmann) в виде мозаики из

мейсенского фарфора. Писатель изображен в окружении детей, на фоне мотивов «Песни о буреви́стнике». На официальном сайте школы имеется страничка, посвященная Горькому, где размещены его биография, портрет и несколько высказываний писателя на немецком языке:

— «Je mehr ich las, umso näher brachten die Bücher mir die Welt, um so heller und bedeutsamer wurde für mich das Leben» («Чем больше я читал, тем более книги роднили меня с миром, тем ярче, значительнее становилась для меня жизнь»). Источник: М. Горький. «Как я учился». — Т. К.).

— «Die Wissenschaft ist der Verstand der Welt, die Kunst ihre Seele» («Как наука является разумом мира, так искусство — сердце его»). Источник: М. Горький. «Несвоевременные мысли». — Т. К.).

— «Es genügt nicht das Bestehende darzustellen, notwendig ist an das Erwünschte und an das Mögliche zu denken» («Мало изобразить сущее, необходимо помнить о желаемом и возможном»). Источник: М. Горький. «Беседа с молодыми». — Т. К.).

На заглавной странице сайта размещены слова Горького из пьесы «На дне»: «Der Mensch kann den Menschen zum Guten führen» («Человек — может добру научить»). — Т. К.).

Нельзя не отметить, что эти, равно как и другие изречения Горького и героев его произведений, стали крылатыми фразами. Они и в наши дни, прежде всего благодаря немецким интернет-сайтам, доступны носителям немецкого языка во всем мире, что свидетельствует о непреходящей актуальности мыслей, высказанных когда-то русским писателем. Так, слова Горького из «Беседы с молодыми», получившие широкую известность в немецкоязычном культурном пространстве в немалой степени благодаря Эрнсту Блоху, который взял их в качестве эпиграфа к главе «Karl Marx und die Menschlichkeit; Stoff der Hoffnung» («Карл Маркс и человечность; материал надежды») своего сочинения «Принцип надежды» (“Das Prinzip Hoffnung”) [Bloch, 1959, p. 1602], превратились в крылатую фразу, без которой практически не обходится ни одно немецкоязычное современное исследование по социальной утопии.

3.3. Воспоминания Э. Э. Киша о знакомстве с Горьким в Саарове

Большое значение для исследователей личности и творчества Горького имеют воспоминания австрийского журналиста и писателя Э. Э. Киша о знакомстве с Горьким, которое состоялось в Саарове:

«В Саарове-Пискове на дворе стояла зима, виллы спали за опущенными ставнями, а озеро Шармюцель не бороздили ни парусные лодки, ни яхты.

В санатории Саарова вечный странник Максим Горький занимал квартиру из двух маленьких комнат, в которых он казался таким посторонним (ср. признание самого Горького в письме к М. Ф. Андреевой от 28 де-

кабря 1922 года: *«Привези мне бронзовые фигуры китайские, а то очень скучно у меня в комнате. Торчит Нитцше, но он похож на брендмейстера из Арзамаса»* [Горький, 2009, с. 113]. — Т. К.) и которые имели вид такого временного пристанища, как будто их обитатель пребывал в позе прыжка, готовый кочевать дальше, как тридцать лет назад, когда он бродяжничал по степям, ночевал в стогах и знал людей, которые были готовы убивать друг друга за гривенник, и тех, что были полны решимости биться насмерть из-за бабы, даже если речь шла об отце и сыне» [Kisch, 1983, p. 113].

«В Саарове тогда срубили в садах все березы, потому что не было угля, а с озера поднимался туман, скрывающий окрестности. Зимой и в тумане все они похожи. Здесь, под Берлином, местность напоминала ландшафт под Ростовом-на-Дону.

Рабочий стол Горького был завален книгами, журналами и рукописями, внешность стоявшего писателя была далека от того образа, который сложился в среде западной молодежи. В дни нашего знакомства с “Ночлежкой” было модным представлять Пепла в облике писателя, одетым в яркую, с застёжкой на плече полотняную рубашу, которую окрестили тогда “блузой Горького”, широкую, мешковатую, в шароварах и высоких сапогах. Внешность Горького была далека от этого образа. Это был высокий худой человек, с седой головой и усами, с усталыми большими глазами на впалом лице» [Kisch, 1983, p. 113].

Для исследователей личности и творчества Горького, прежде всего его взаимоотношений с русской эмиграцией и позиции писателя по поводу событий тех лет в России, немаловажно объяснение Кишем причин, побудивших его отправиться на встречу с Горьким. В начале статьи Киш объясняет обстоятельства своего визита в Сааров:

«В любое другое время предложение посетить Максима Горького меня бы ужасно обрадовало. Но тогда, в январе 1923 года, он уехал из Советской России, которой угрожала опасность, и именно тогда в капиталистической прессе мелькали многочисленные непроверенные высказывания Горького о зверствах в Москве, о злоупотреблениях властью со стороны большевиков и т. п.

Вполне вероятно, что даже Горькому было нелегко разместить опровержение, сказать доброе слово об СССР во времена, когда все реакционные силы надеялись на скорый крах советской власти.

Но возможно, что Горький и не пытался протестовать, возможно, он действительно стал противником диктатуры? Ведь рассказывали же, что он не принимает европейских писателей и журналистов, а якиается с эмигрантами, с тем отребьем, которое именно тогда, во времена ин-

фляции, особенно процветало в Берлине благодаря торговле бриллиантами, украденными картинами и валютным махинациям.

Да, в другое время предложение посетить Максима Горького наполнило бы меня радостью. Для нашего поколения Горький был фигурой номер один. Мы, входившие в жизнь на рубеже веков, из классики сразу окунулись в рассказы Горького; на месте напыщенных королевских особ прошлых времен нам вдруг явились голодающие рабочие и странные бродяги, вместо сверкающих золотом тронных залов мы попали в подвалы, ночлежки, увидели ночные пристани, бескрайние стены. Это не было простой сменой кулис — нет, стилизованное прошлое сменилось реальным настоящим, героизированная фантазия — голой правдой.

И все мы, находившиеся под впечатлением этого юношеского переживания и два десятилетия хранившие Горькому верность, мы были счастливы, что Горький не был в рядах предателя Керенского, мы были счастливы, что в октябре он выступил на стороне пролетариата и на стороне Ленина.

А теперь Горький ответил на верность поколения, которое он воспитал, предательством? Разве такое возможно? Если да, то я хочу услышать об этом от него самого» [Kisch, 1983, pp. 111—112].

По всей видимости, ответы Горького убедили его в обратном:

«Я болен, — начал он (Горький. — Т. К.), и это прозвучало так, как будто он хотел этими словами удостоверить свою личность. — Я болен и поэтому вынужден был покинуть Россию. Я хочу закончить свой роман, отдохнуть на Капри, а потом я вернусь в Россию”.

— Вы хотите вернуться в Россию, Алексей Максимович?

— Конечно, мое место в России. Я приехал на запад только потому, что дома я не мог работать и поправить здоровье. Много политики, много отвлекало и мешало. Но я надеюсь скоро вернуться в Россию.

— Значит, то, что пишут в газетах, что Вас выслали, что Вы бежали, неправда?

— Все это неправда. Советские люди — мои друзья. И Дзержинский, о котором распространяют самую бесстыжую ложь, — один из благороднейших людей, которых я когда-либо знал.

Двое эсеров (их имена выяснить не удалось. — Т. К.), которые также были гостями Горького, старались удержать его от прямых ответов. Ведь именно очернение ЧК и самого Дзержинского составляли тогда основу эмигрантской пропаганды. Они не хотели, чтобы западный публицист услышал хвалебные слова в адрес этой организации и ее руководителя из уст такого известного человека. Но Горький не сдавался, и чем больше эсеры пытались его унять, тем настойчивее он доказывал гостю, что непозволительно прибегать к лживым измышлениям, пытаясь поме-

шать происходящему в России: “То, что там происходит, — величайший процесс мировой истории. И то, что я, больной писатель, был вынужден уехать за границу, совершенно недопустимо расценивать как демонстрацию против советской власти!”.

Было выпито немало чашек чая, пока спор не угас. После этого молодая чешка (речь идет о переводчице Ярмиле Гаасовой-Нечасовой, которая приехала к Горькому вместе с Кишем. — Т. К.) предложила Горькому прочитать перевод какого-то русского стихотворения. Девушка смущается. Горький хочет ее подбодрить:

— Когда я был молод, как Вы, я был смелее.

— Да, учитель, если бы мне пришлось читать что-то из Ваших произведений, я бы не стеснялась. Но, к сожалению, Вы стихов не писали, — отваживается возразить девушка.

— О, я тоже писал стихи, просто никогда их не публиковал.

— Вот видите, учитель, — приободрилась маленькая чешка, — значит, храбрости у Вас не больше моего.

Все смеются, но уловка девушке не помогает. Ей приходится перейти к декламации.

Она читает в переводе на чешский язык революционный марш Маяковского: Кто там шагает правой?левой!левой!

Максим Горький обращается ко мне: “Нет, нет, я правой не шагаю...”» [Kisch, 1983, pp. 113—114].

Впервые эти воспоминания были опубликованы в 1928 году в газете немецких коммунистов «Красное знамя» («Die Rote Fahne»). Спустя неделю текст, правда, по понятным причинам, в сокращенном виде (опущены обстоятельства посещения Кишем Горького, пояснения Киша по поводу внутренней политики большевиков и отношения к ней русского писателя) в переводе на русский язык напечатала по случаю 60-летия Горького газета «Известия» в подборке «Писатели Запада и СССР — Максиму Горькому» [Киш, 1928, с. 3].

3.4. Современные немецкие исследователи о пребывании А. М. Горького в Саарове

Одна из первых краеведческих работ, посвященных пребыванию А. М. Горького в Саарове, принадлежит Э. Гутсмутсу, в 1964 году опубликовавшему в местной газете заметку «Когда Максим Горький жил в Бад Саарове» (1964) [Gutsmuths, 1964]. Однако основным источником информации служат тексты рекламного характера, размещаемые на сайтах, посвященных описаниям достопримечательностей курорта.

О пребывании Горького в Саарове свидетельствует небольшое биографическое исследование специалиста по русской литературе Кристи Эберт

«Максим Горький в Саарове. 1922/23» [Ebert, 2019]. Помимо мест, связанных с пребыванием Горького на немецком курорте, ее интересуют контакты советского писателя с русской эмиграцией и немецкими интеллектуалами.

Так, среди прочего она пишет и об обстоятельствах визита к Горькому Э. Э. Киша, напоминая при этом об июльском процессе 1922 года против эсеров после покушения на Ленина и о неприятии писателем большевистского террора как такового. См., в частности, письмо Горького от 1 июля 1922 года Рыкову: *«Если процесс социалистов-революционеров будет закончен убийством, это будет убийство с заранее обдуманым намерением, гнусное убийство <...> Вам известно, что за все время революции я тысячекратно указывал Советской власти на бессмыслие и преступность истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране»* [Горький, 2009, с. 66]. Об отношении Горького к «красному» террору свидетельствуют многочисленные письма Горького 1918—1923 годов к Ленину, Дзержинскому, Каменеву и др.; см. подробнее: [Горький, 2009, с. 544].

Как пишет рецензент книги, современный политик и редактор журнала «Листок» («Das Blättchen») Вольфганг Брауэр, *«... визит Киша носил контрольный характер, а его статья в коммунистической прессе появилась не случайно в начале второго показательного процесса за несколько лет до "большой чистки". В 1923 году он хотел выяснить <...> действительно ли Горький окружил себя "эмигрантским отребьем" и стал противником диктатуры пролетариата»* [Brauer, 2019].

Историк-публицист Кристиан Боммариус в книге «В мятежном угаре. Германия 1923» («Im Rausch des Aufruhrs: Deutschland 1923», 2022) задается вопросом, мог ли Горький быть искренним в своих ответах западному репортеру, или, может быть, Киш в своих воспоминаниях намеренно искажил правду? (см.: [Bommarius, 2022, pp. 28—29]). Ответ на первый вопрос остается открытым. Хотя, если судить по откровенному письму Горького Р. Роллану от 7 декабря 1922 года, осторожность писателя в беседе с незнакомым ему Кишем можно понять:

«И, наконец, сейчас я пишу <...> три рассказа на темы о любви к людям, к женщине и о любви женщины к миру. <...> Затеваю книгу "Русские люди". Эта книга, наверное, будет интересна для Европы, все же выше-названное — едва ли. Уверен, что все, что я пишу сейчас, не будут читать и в России, ибо там о любви к людям теперь не говорят и необходимость этой любви под сильным сомнением. Когда желаешь осчастливить сразу все человечество — человек несколько мешает этой задаче. Жить очень трудно, дорогой друг <...>. Там, на родине, воят вьюги и коммунисты, землю засыпает снег, людей — сугробы слов. Превосходные слова, но — тоже как снег, и не потому, что они так же обильны, а потому что холодны.

Когда фанатизм холоден, он холоднее полярного мороза. А все-таки восхищает меня изумительное напряжение воли вождей русского коммунизма. За всю свою страшную историю Россия еще не имела таких волевых людей ни в эпоху Ивана Грозного, ни при Петре Великом. Их — ничтожная кучка, искренних друзей они имеют сотни, непримиримых врагов — десятки миллионов русских крестьян, всю европейскую буржуазию, да прибавьте сюда и социалистов Европы. И все-таки эти Архимеды уверены, что найдут точку опоры и перевернут весь мир. Право же — хорошие люди! Иногда мне очень жаль, что я не согласен с ними в деле истребления культурных людей и никогда не соглашусь на это» [Горький, 2009, с. 109].

Еще более откровенно о своей невозможности возвращаться в СССР Горький пишет Р. Роллану 21 апреля 1923 года: «<...> телеграмма о моем возвращении в Россию была напечатана в московской газете “Известия” под заголовком: “Давно пора!”».

Я предполагаю, что заголовок этот следует рассматривать как угрозу, ибо за мое отношение к процессу социалистов-революционеров меня провозгласили “врагом народа”. Принимая во внимание, что с той поры я не один раз писал моим друзьям-вождям <...>, их отношение ко мне как к “врагу” народа, несомненно, упрочилось еще сильнее <...>. Все это, конечно, чепуха, но признаюсь, что довольно с меня этой чепухи! — Я хочу писать, много писать и не чувствую ни малейшего желания возвращаться в Россию. Я не мог бы писать, если бы вынужден был все свое время тратить на то, чтоб непрерывно повторять: “Не убий”.

Убийца всегда подлец, но когда он выполняет это в целях пропаганды, то он в сто крат подлее! А террор в России все увеличивается» [Горький, 2009, с. 176]. Как известно, из Саарова Горький уехал в Гюнтерсталь (Шварцвальд, юго-западная Германия), а оттуда (через Чехословакию) в Италию.

Взгляды Горького на политические события в Советской России повлекли за собой обвинения писателя в «буржуазном перерождении» [Горький, 2009, с. 544] вплоть до угроз «расправиться с ним, как с больным зубом» [Там же]. В феврале 1923 года, вскоре после визита Киша в Сааров, в Харькове состоялся «показательный заочный суд над Горьким» [Там же, с. 545]. На этот раз писателя обвинили в «травле евреев-коммунистов за их самоотверженную борьбу против тьмы и фанатизма» [Там же]; см. также: [Там же, с. 398—399]. Основанием для обвинения послужило весьма вольное переложение слов Горького в интервью еврейско-польскому писателю Шолому Ашу, опубликованном в апреле 1922 года в нью-йоркской газете «Форвертс» («Forverts»): «Причиной теперешнего антисемитизма в России является бестактность еврейских большевиков. Еврейские большевики, не все, но безответственные мальчишки участвуют в осквернении святынь русского народа.

Они превратили церкви в кинематографы и читальни, они не посчитались с чувствами русского народа. Еврейские большевики должны были эти дела оставить для русских большевиков» [Там же, с. 545].

Все это стало достоянием западной прессы. Вероятно, Киш знал о статье Шолома Аша. Известно также, что и сам Горький написал в газету «Форвертс» письмо-опровержение, которое заканчивалось словами: «Есть <...> целый ряд явлений и причин, расширяющих в русской народной массе рост антисемитизма. Люди привыкли искать друг в друге наиболее худшее, и рост гнилой плесени антисемитизма не может быть остановлен даже такими, очевидными и для слепого, свидетельствами бескорыстной и талантливой работы на пользу русского народа, какова работа <...> евреев-коммунистов» [Там же, с. 52].

Насколько искренним был в своих воспоминаниях австрийский публицист, установить сложно. Однако, скорее всего, убежденный коммунист Киш был действительно уверен в правдивости слов Горького. Косвенным свидетельством этого может служить его некролог 1936 года по случаю смерти писателя «Великий учитель, который одновременно был верным товарищем» («Der große Lehrer, der zugleich der teure Genosse war»), содержание которого перекликается с воспоминаниями Киша 1928 года:

«Максим Горький мертв — для кого из нас нашлось бы слово, способное глубже выразить боль тяжелейшей утраты? Осиротевшие пролетарские писатели стоят у этой могилы. Возможно, многие в Советском Союзе и не подозревают о том, что дал западной литературе еще молодой Горький; на глазах изумленного поколения обездоленные внезапно стали объектами искусства, героями драмы, новеллы, романа. Представьте себе молодых людей (я был в их числе), которые едва прочитав «Германа и Доротею» Гёте, взяли в руки рассказы Горького. Это была молния, осветившая невиданный доселе путь, путь социалистической литературы. И каким счастьем было для ученика назвать позже своего учителя товарищем. И как безмерна боль потерять великого учителя, который одновременно был верным товарищем» [Kisch, 1983, p. 418].

К сожалению, исследователи жизни и творчества Горького и Киша не располагают достаточными сведениями об их переписке, равно как и о других документах, свидетельствующих о контактах советского писателя с австрийским публицистом. Таким образом, воспоминания Киша приобредают характер уникального документа эпохи.

4. Заключение = Conclusions

Следы пребывания А. М. Горького в Германии, в данном случае «саровского» периода его жизни и творчества, свидетельствуют о том, как

функционируют механизмы исторической памяти в отношении той или иной известной личности. Речь идет прежде всего о мемориальной культуре (см. подробнее: [Ярычев, 2021]) как о бережном отношении к сохранившимся фактам (воспоминания современников и пр.) и о попытках их фиксации в конкретном географическом пространстве. Это охрана старых и создание новых памятников, увековечение имени в названиях улиц, школ и пр. Большое значение для формирования мемориального пространства приобретает знание контекстов, предопределяющих творческое сознание личности, вовлеченной в процесс мемориализации. Писатель сопричастен историческим, идеологическим и политическим реалиям своего времени. Наряду с востребованностью творческого наследия (а в случае Горького, и с его заслуженной канонизацией в немецкоязычном культурном пространстве) описанные факты культурной мемориализации помогают лучше понять причины актуального «присутствия» писателя в современной Германии.

Источники

1. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма : в 24 т. / М. Горький. — Москва : Наука, 2009. — Т. 14. — 821 с. — ISBN 5-02-011192-9.
2. *Киш Э.* Писатели Запада и СССР — Максиму Горькому» по случаю 60-летия Горького. Эгон Эрвин Киш / Э. Киш // «Известия». — 1928. — 29 марта. — № 75. — С. 3.
3. *Bloch E.* Das Prinzip Hoffnung / E. Bloch. — Frankfurt a.M : Suhrkamp, 1959. — 1665 p.
4. *Kisch E. E.* Bekanntschaft mit Maxim Gorki / E. E. Kisch // Mein Leben für die Zeitung 1926—1947. Journalistische Texte 2. — Berlin ; Weimar : Aufbau-Verlag, 1983. — Pp. 111–114.
5. *Kisch E. E.* Gesammelte Werke / in Einzelausgaben / E. E. Kisch // Mein Leben für die Zeitung. 1926—1947. Journalistische Texte 2. — Berlin und Weimar : Aufbau-Verlag, 1983. — 582 p.

Литература

1. *Кудрявцева Т. В.* Русская литература в Германии : культурные горизонты / Т. В. Кудрявцева // Русская литература в зеркалах мировой культуры. — Москва : ИМЛИ РАН, 2015. — С. 9—55. — ISBN 978-5-9208-0483-9.
2. *Летопись жизни и творчества А. М. Горького.* В 4 т. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1959. — Т. 3. — 767 с.
3. *Чудов В.* Максим Горький — вдали от родины [Электронный ресурс] // Литература. Отражение внутреннего мира людей. — Режим доступа : <http://ubeditelno.ru/articles/rt002.shtml> (дата обращения 14.11.2022).
4. *Ярычев Н. У.* Мемориальная культура в зеркале гуманитаристики : актуальные исследовательские тренды / Н. У. Ярычев // Вестник культуры и искусств. — 2021. — № 4 (68). — С. 15—21.
5. *Bommarius Ch.* Im Rausch des Aufruhrs : Deutschland 1923 / Ch. Bommarius. — München : dtv Verlagsgesellschaft, 2022. — 352 p.
6. *Brauer W.* Gorki in Saarow [Electronic resource] / W. Brauer // Das Blättchen. — 2019. — № 22. — Access mode : <https://das-blaettchen.de/2019/10/bemerkungen-257-50066.html> (accessed 18.11.2022).

7. Ebert K. Maxim Gorki in Saarow 1922/23 / K. Ebert. — Frankfurt-an-der Oder : Verlag für Berlin-Brandenburg, 2019. — 32 p. — ISBN 978-3-947215-62-1.
8. Gebhardt H. Zehn Jahre Maxim-Gorki-Gedenkstätte in Bad Saarow-Pieskow / H. Gebhardt // Zeitschrift für Slawistik. — 1983. — N 28. — Pp. 918—920.
9. Gutsmuths E. Als Maxim Gorki in Bad Saarow weilte / E. Gutsmuths // Neue Fürstenwalder Zeitung. — 1964. — Jg. 5. — N 25.
10. Stürmer A. Das neueste Heft «Die Mark Brandenburg». Kurgast Gorki und andere Russen / A. Stürmer // Märkische Allgemeine. — 09.04.2018. — P. 10.

Material resources

- Bloch, E. (1959). *Das Prinzip Hoffnung*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp. 1665 p. (In Germ.).
- Gorky, M. (2009). *The complete works. Letters: in 24 volumes, 14*. Moscow: Nauka. 821 p. ISBN 5-02-011192-9. (In Russ.).
- Kisch, E. E. (1983). Bekanntschaft mit Maxim Gorki. In: *Mein Leben für die Zeitung 1926—1947. Journalistische Texte 2*. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag. 111—114. (In Germ.).
- Kisch, E. E. (1983). Gesammelte Werke / in Einzelausgaben. In: *Mein Leben für die Zeitung. 1926—1947. Journalistische Texte 2*. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag. 582 p. (In Germ.).
- Kish, E. (1928). Writers of the West and the USSR to Maxim Gorky on the occasion of Gorky's 60th anniversary. Egon Erwin Kish. "Izvestia", 75. March 29. P. 3. (In Russ.).

References

- Bommarius, Ch. (2022). *Im Rausch des Aufbruchs: Deutschland 1923*. München: dtv Verlagsgesellschaft. 352 p. (In Germ.).
- Brauer, W. (2019). Gorki in Saarow. *Das Blättchen*, 22. Available at: <https://das-blaettchen.de/2019/10/bemerkungen-257-50066.html> (accessed 18.11.2022). (In Germ.).
- Chronicle of the life and work of A. M. Gorky. In 4 volumes, 3*. (1959). Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 767 p. (In Russ.).
- Chudov, V. Maxim Gorky — far from the motherland. *Literature. Reflection of the inner world of people*. Available at: <http://ubeditelno.ru/articles/rt002.shtml> (accessed 14.11.2022). (In Russ.).
- Ebert, K. (2019). *Maxim Gorki in Saarow 1922/23*. Frankfurt-an-der Oder: Verlag für Berlin-Brandenburg. 32 p. ISBN 978-3-947215-62-1. (In Germ.).
- Gebhardt, H. (1983). Zehn Jahre Maxim-Gorki-Gedenkstätte in Bad Saarow-Pieskow. *Zeitschrift für Slawistik*, 28: 918—920. (In Germ.).
- Gutsmuths, E. (1964). Als Maxim Gorki in Bad Saarow weilte. *Neue Fürstenwalder Zeitung*, 5 (25). (In Germ.).
- Kudryavtseva, T. V. (2015). Russian literature in Germany: cultural horizons. In: *Russian literature in the mirrors of world culture*. Moscow: IMLI RAS. 9—55. ISBN 978-5-9208-0483-9. (In Russ.).
- Stürmer, A. (2018). Das neueste Heft «Die Mark Brandenburg». Kurgast Gorki und andere Russen. *Märkische Allgemeine*. 09.04. P. 10. (In Germ.).
- Yarychev, N. U. (2021). Memorial culture in the mirror of humanitarianism: current research trends. *Bulletin of Culture and Arts*, 4 (68): 15—21. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 16.11.2022,
одобрена после рецензирования 15.01.2023,
подготовлена к публикации 28.01.2023.